

Царь и вор

Вор с дядей шли у царю воровать, пришли к царским воротам. Вор велит дяде вперёд итти, а дядя вору. Пошел, однако, дядя. Пошел дядя, подворотница пала, вору голову отсекала; вор тулово оставил, а голову с собой унёс.

А царь хочет знать, хто у него воровал. Стал клик кликать, всех баб собрать: которая женщина прослезится, та и жена убитого. Вор дядину жону научил: «Ты неси крынку молока, урони, пролей и плач: "Не жаль крынки, жаль молоко"». Выкопали могилу, собрались бабы; погонили баб мимо эту могилу ширинкой, жона дяди сронила крынку и плачёт:

«Не жаль крынки, жаль молоко». Так царь и не мог узнать вора.

В кабаке стали сыпать злато-серебро. «Хто-ле воровать будет». Злато-серебро теряйтца, а к полу нехто не согибаецца. Стали людей поить, пили люди, заспали. Утрях спят, зашел поп и видит у вора на подошвы серебрянник. Поп взял, да у вора полбороды и обрел. Проснулса вор, узнал, што у ся полбороды нет, взял да у многих полбороды обрел. И опеть не могли вора признать.

А вор думать стал, как попу на смену заёмно оворотить. Сделал себе ящик, подделал гумажны крыльё, одел хорошо платье и подлетел к попу перед окна на перила. Говорит: «Я ангел господень, ты достоин, тебя на небо нести, только будут мытарства, надо их перетерпеть». Посадил попу в куль, принёс и повесил на церковны ворота, на ограду и надписал надпись: «Хто пойдёт в церковь, каждой штобы по кулю по разу ударили». Попа тут каждой колотил, и до смерти заколотили.

А царь вора всё не можот признать. Оделса царь в шутовское платье и в рынке стал ходить, посоиватця меж людей. Ходит царь посоиватця, и вор посоиватця. Друг дружку заметили ворами. Вор у царя спрашивает:

— Воровать не пошли?

— Можно воровать.

— А к кому пойдём? Царь отвечает:

— К царю.

Вор царя по косице и хлесь.

— Ах ты, так твою мать! Давно-ле воруешь, а уж у царю идти хочешь, я веки ворую, да на царя-то (так!) никогда не думал воровать.

— А к кому ино пойдём воровать? — спрашивает царь.

— А к боярам, у их деньги-те даровые.

Пошли воровать к боярам, пришли к чердаку, а в чердаки, в верхних этажах огонь, собрание. Вор железны храпы вынул, на руки, на ноги наложил, полез по стене. А народ советуют, как царя кончить. Придумали так: позвать его к себе в непоказанные часы, а когда придёт, поднести ему царю. Царю выпьет, дак сам помрёт. Слез вор со стены, дал царю кокты, велел кверху лезть, самому прослушать. Одел царь кокты, залез, послушал один совет. Отозвал оттуль царь вора на особичу. Отошли они подале, царь снял с себя шутовское платье и оказался во крестах и во полетах. Вор на коленки пал, извиняйтца, што царя по косиче ударил. Царь его простил. Повёл царь вора во дворец.

— Когда бояра меня позовут во дворец, то я тебя назову иностранным купцом и возьму с собой. И будут мне подавать царю, я и спрошу: «У вас как — которой наливат, тот вперёд выпиват, але которому подають?» Вы и ответьте: «Которой наливат, тот вперёд выпиват».

Позвали бояра царя, пошел царь с вором, вор наряжон иностранным купцом. Стали царю подавать царку; царь спрашивает:

— Как в ваших местах: тот выпиват, кто наливат, але как? Купец отвечает:

— Которой наливат, тот первой и выпиват.

Царь приказал поднощику вперёд выпить. Выпил поднощик царю, да тут и помер; схватили всех, сколько тут было бояр, новых растреляли, новых на воротах повесили. А вора царь себе думным доспел.

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.